

Удар.

Голова Эймонда дернулась в сторону от внезапной силы. Ветка дерева была прочная и толстая, шириной с его предплечье, и девушка замахнулась ею изо всех сил — удар, который она нанесла, неприятно ударил его по скуле, отразившись от костей черепа, и на мгновение он увидел звезды.

Его рот скривился в полуухмылке, полурычании — боль от удара, безусловно, прогнала остатки постоянно нарастающей усталости, пусть и ненадолго, и снова разбудила его.

Эймонд вытер кровь с разбитой губы и повернулся, обнаружив, что она смотрит на него застывшим взглядом. Ее глаза расширились от шока или страха, он не мог сказать. Он был несколько доволен, увидев, что у нее хватило присутствия духа не уронить ветку — впрочем, сейчас самодельное оружие мало чем поможет ей. Эймонд вложил Темную Сестру в ножны и вырвал ветку из ее рук, бросив ее в огонь позади себя.

Его ноздри раздулись, а уголки губ изогнулись в мрачном удовольствии. Это действие заставило его лицо пульсировать еще сильнее в том месте, где она ударила его по израненному боку — без сомнения, там образовался уродливый синяк. Удар так разозлил его головную боль, что стало больно моргать. Пульс боли кристаллизовался и трансформировался в волны жара, стреляя ударами, резонирующими в его зубах и черепе, очищая его разум от тумана сражения. С ясностью сознания вернулась острая рациональность, и расцвело беспокойство.

Эймонд отбросил свой гнев и подкрался ближе, тесня ее пространство, возвышаясь над ней, как стервятник. Она была явно высокой девушкой, всего на две руки ниже его. Эймонд опустил голову, чтобы заглянуть в ее прекрасное тонкокостное лицо. Ее глаза были дикими и дрожали; зрачки расширены, черный цвет затмевает все цвета. Ее тело содрогалось от мелкой дрожи. Ее кожа была бледна и чиста, ее губы были розовым бутонem, ее нос - тонким кончиком, ее скулы были высокими и выступающими, с острыми краями, вылепленными из мрамора. И все же выражение ее лица было вырезано из камня и льда — непроницаемое и пустое, лишенное чувств.

Редкая красота, поразительная и свежая, как цветок розы. Горничная не старше шестидесяти лет — и приученная к насилию; видеть это, быть на принимающей стороне этого.

Любопытно .

— Прощу прощения, — прошептала она тонким, но удивительно ровным голосом. «Я искренне прошу прощения за свой необдуманный поступок. Я поступил глупо, после того как ты так храбро спас меня. Это было... — она облизнула губы, — очень тяжелое переживание... и... ммм... оно обострило мои эмоции. Кровь моя закипела от страха — он затуманил мой разум и затуманил мой здравый смысл. Я не подумал, прежде чем ударил тебя. Пожалуйста, -- прибавила она сладко, умоляюще, умоляя его своим темным взглядом, -- пожалуйста .

Эймонд что-то промышчал, подтверждая — обдумывая.

Его взгляд блуждал по ее лицу. Отмечая цветущие синяки на ее щеке и шее, отметины в виде пальцев на покрасневших запястьях; рваные юбки и испачканный лиф ее платья. Она ахнула, когда он мягко сжал ее подбородок между указательным и большим пальцами и повернул ее лицо, чтобы изучить ярко-багровый ушиб на ее скуле от того места, где ее ударил нападавший. Он слегка потрогал это место пальцами. Она резко зашипела, но не вздрогнула от его манипуляций.

— Нежно, но кость цела, — пробормотал он.

Они стояли рядом — ближе, чем это было уместно. Он мог чувствовать ее рваные выдохи, дыхание щекотал кожу его груди. Жар исходил от него, даже когда огонь в его венах остывал, лишая его силы и бодрости. Он был залит чужой кровью и кишками; и когда он убрал руку, его большой палец размазал кровь по ее подбородку — рубиновая полоса на снегу.

Эймонд отступил назад, и напряжение покинуло ее тело, плечи поникли. Она боялась, что он ударит ее, или, возможно, она боялась, что он ... нет, Эймонд не позволил себе закончить мысль. Вместо этого его взгляд остановился на ней, и вопрос, который он особенно не хотел озвучивать, звенел у него в зубах.

Девушка поджала губы, понимая его намерения. — Я... — она остановилась, глубоко вздохнула. Ее руки сжались в кулаки побелели по бокам. «Невредимый. Необратимых повреждений нет». Ее глаза встретились с его глазами, и она пристально посмотрела на него — глубоко в темную бурлящую фиалку. — Вы вмешались до того, как произошло что-либо серьезное. Благодарю вас, добрый сир, за вашу рыцарскую доблесть.

Эймонд наклонил голову, его охватило облегчение. «Эта дама так мило говорит после того, как хотела снести мне голову».

Краска залила ее щеки. Красивое зрелище. «Я извинился».

«Я услышал ваше извинение. Мне еще предстоит решить, принимать ли его».

Эймонд крепко сцепил руки на предплечьях за спиной. Его взгляд окинул поляну, отметив семь совершенно мертвых тел, в то время как последний человек, чьи ноги он взял, стонал и медленно истекал кровью. Было бы любезно перерезать ему горло, и Эймонд намеревался оказать ему эту милость. -- Если хочешь загладить свою вину, иди к секвойям-близнецам на краю поляны, возьми оттуда мешок с моими вещами и поднеси к лошадям...

— Лошадь, — вмешалась она. "Единственное число. Другой был убит во время засады».

— Тогда у нас будет мясо на обед. Если перспектива есть конину и не нравилась ей, она этого не показывала. Девушка позволила так малому количеству эмоций отразиться на ее лице, что это заинтриговало его. "Вы знаете, как готовить?" Ее взгляд скользнул влево. «Нет, тогда. Ну, если ты не умеешь готовить, сомневаюсь, что ты умеешь снимать шкуру с добычи. У нас есть костер, но нужно больше растопки — не могли бы вы собрать немного?»

Она утвердительно кивнула, хотя уголки ее рта почти незаметно сжались. Эймонд радовался тому, что наконец вызвал ответ, и задавался вопросом, было ли это потому, что она была недовольна тем, что он обращался с ней как со служанкой, или потому, что она не любила, когда ею командуют, как неумелым ребенком. Возможно, немного того и другого. Она выглядела и держалась как знатная женщина, хотя одевалась не подобающе.

Пока девушка выполняла поручения, которые он ей дал, Эймонд занялся уборкой за собой. Он подошел к умирающему и изучил его — явно вестеросец, одетый в простую одежду из грубой ткани без опознавательных знаков. Вероятнее всего, преступник или наемник, хотя состояние мужского оружия не говорило о тяжелом кошельке.

— Помилуй, пожалуйста, — прохрипел он, хватаясь за плачущие культы, в которые превратились его ноги. Темная Сестра аккуратно разрезала голени. "Я-"

Эймонд снял с пояса кинжал и вонзил его мужчине в шею. Ему никогда не нравились насильники, и он не стал бы беспокоиться о том, чтобы выслушать последние слова одного из них. О чем бы этот человек ни хотел просить, сейчас мог услышать только Незнакомец. Он опустился на колени и почистил сталью рубашку мужчины, затем порылся в его карманах и нашел пять серебряных оленей и тринадцать медяков, кинжал на поясе со сносным балансом и деревянную фигурку Кроуна. Эймонд оставил труп свою религиозную икону, бросил меч и кинжал в центр поляны и сунул деньги в карман.

Эймонд методично занялся остальными мертвецами и собрал кинжалы с черепов двоих из них. К тому времени, как он закончил, в его кошельке было восемнадцать золотых драконов, двадцать пять серебряных оленей и около сорока медных монет. В центре поляны были сложены серо-голубые стальные доспехи, шесть мечей, один топор, один лук с колчаном и пять кинжалов. Он оставил мужчинам их сувениры и личные вещи, но снял с них одежду — чистую рубашку у одного, кожаную куртку с минимальными пятнами крови у другого и потертое, крепкое клеенчатое пальто у ближайшего к нему человека в строить.

Солнце начало садиться, когда Эймонд закончил тащить тела к краю поляны. Труп большого уродливого зверя был самым тяжелым — около двухсот пятидесяти фунтов после того, как Эймонд снял с него доспехи. Он оценивал мертвых. Сжигание тел привлекло бы нежелательное внимание — запах сгоревших людей был невероятно характерным. Было бы предпочтительнее оставить их гнить, но это, несомненно, привлекло бы волков и падальщиков. Лучше всего покинуть лагерь до наступления темноты.

Эймонд отряхнул кожу и выпрямил позвоночник, протестуя завопили напряженные мышцы. Он покрутил шеей и плечами, суставы трещали, как бревна в огне. Он остро ощущал, как кровь и пот пропитались его одеждой, заливая грудь и спину. Он посмотрел вниз и обнаружил, что его рубашка была скорее красной, чем белой. Он осторожно приподнял одежду и осмотрел свой бок, осторожно потрогав его — истекает ли кровью без остановки или он просто залит кровью других мужчин? Эймонд не мог сказать, это было почти не больно.

Он стянул с себя испорченную рубашку и бросил ее на землю рядом с кучей трупов. Оглянувшись через плечо, Эймонд обнаружил, что девушка выполнила порученное ему задание и стоит на коленях у тела павшего рыцаря, сцепив руки и склонив голову в молитве.

Эймонд подошел, слегка прихрамывая, помня о сухожилии, которое он потянул на ушибленном бедре. Он склонился над плечом девушки, осматривая труп, кончик его покачивающейся косы щекотал ее щеку. Рыцарь был невысокого роста, не выше пяти футов двух дюймов, худощавого телосложения. У него было усталое лисье лицо с острым длинным носом и копной колючих рыжих волос.

Первоначально Эймонд предположил, что девушка была знатной девушкой, сбежавшей с любовником более низкого статуса, но у рыцаря не было вида мужчины, способного очаровать и соблазнить даму такой непревзойденной красоты. Если только она не доверчивая дурочка. Взгляд Эймонда оценивающе остановился на девушке. Ее темная, как дуб, коса тепло блестела в свете костра, довольно длинная коса извивалась вдоль выгнутой линии позвоночника. Они говорили кратко, но она не показалась ему неразумной.

На самом деле, после приступа кровавой ярости и чуть ли не насилия Эймонд, откровенно говоря, ожидал болтливой истерики. Вместо этого она вела себя с поразительным хладнокровием и красноречием — поведением, в равной степени впечатляющим и обескураживающим.

Таким образом, он отверг идею бурного романа между парой.

— Ты скорбишь о нем?

Губы девушки дрожали, но она крепко зажмурила глаза и сцепила пальцы, умоляя Семерых направить душу мертвеца. «Не мое дело горевать о человеке, которого я знаю меньше месяца, — однако его кончина не остается незамеченной и не остается оплаканной. Сир Шадрих не был настоящим рыцарем, но все же пытался спасти меня. Да помилует его Мать, да успокоит его душу Незнакомец».

Она поднялась на ноги и повернулась к нему лицом, устремив на него свой яркий взгляд — у нее были звездные глаза, насыщенно-голубые, как сапфиры. В угасающих сумерках она сияла. — Могу я узнать имя моего спасителя?

«Можете искать, но не получите».

— Как мне тебя звать, добрый сир?

Рот Эймонда скривился. « Довольно, мой господин ».

— Милорд, — тут же послушно повторила она, — вы намерены истечь кровью?

Эймонд был настоящим драконом, устойчивым к жару и огню, потому что ад ярости и жажды крови внутри него ревел так же жарко, как драконий огонь, затмевая все остальное. Этот горящий огонь в его венах придавал ему силы, делал его неумолимым и свирепым — и все же это был опасный и обоюдоострый дар. В пылу битвы это сделало его разум слепым к боли, а тело слишком терпимым к травмам.

Он почти забыл о порезе, который получил, несмотря на то, что не чувствовал этого. Его ноздри раздулись, и он задумчиво сузил глаза. Прижигание не подействовало бы на его плоть, и ему не нравилась идея снова зашивать собственные раны. Прошло много месяцев с тех пор, как он мог полагаться только на себя, потому что Элис была более нежной рукой с иглой, чем он. — У дамы есть кипяченое вино?

Она покачала головой, в ее глазах отразился свет огня. — Нет, но у дамы есть огненное молоко, иголка и нитка. Септы хвалили меня за твердую и ловкую руку.

Эймонед долго смотрел на нее — если это была уловка, то он не мог понять ее намерения. Она знала, кто он? Он сомневался в этом. Его серебристые волосы порозовели от крови, его одежда была простой и не имела каких-либо знаков, а Эймонд считался при дворе наименее очаровательным среди своих братьев — печально известным своим необычным глазом и сапфиром, а не какой-либо особенной миловидностью, и повязка на глазу вряд ли была отличительной чертой во время войны. Она никак не отреагировала, увидев его — в бездонной синеве ее глаз не было искорки узнавания.

Он коротко и резко кивнул, и лицо девушки озарилось застенчивой улыбкой. Она беспокоилась больше, чем он, понял Эймонд, хотя хорошо скрывала свои страхи.

Она сделала неглубокий реверанс — действие, от которого у Эймонда поползли вверх брови, — и решительно подошла к пятнистому серому скакуну, принадлежавшему мертвому рыцарю. Она предусмотрительно привязала кобылу к стволу дерева и оставила пастись недалеко от кострища. Взгляд Эймонда проследил за ее фигурой. Она говорила четко и красноречиво, с четкой дикцией. Она не была служанкой, не простой крестьянской девчонкой, он не мог

понять, зачем она притворялась скромным происхождением.

Наполовину сбитый с толку, наполовину заинтригованный, он поплелся за ней. Его усилия усугубили раны, которые он получил, нырнув в озеро с Вхагаром, — его мышцы окоченели, а бок, принявший на себя основную тяжесть падения, ужасно болел, казалось, что он горит. Бой с семью мужчинами, без сомнения, усугубил и воспалил все его раны.

Эймонд уселся на бревно у костра и смотрел, как она приближается, сжимая в бледных руках коричневую кожаную седельную сумку. Она опустилась перед ним на колени, заставив Эймонда с опозданием сообразить, что он должен был предложить ей ткань, чтобы она расстелила ее на земле — увы, у него не было лишнего плаща, а ее платье было уже испачкано, и спасти его было невозможно. Она открыла сумку и достала мутно-молочную бутылку с бледно-красной жидкостью — без сомнения, огненным молоком, — вельветовый мешочек для шитья и кусок мыла. Она тщательно вымыла и вытерла руки, осторожно поливая водой из бурдюка.

— Милорд, — позвала она, опустив глаза, и протянула ему бурдюк, несомненно предлагая ему очистить область вокруг раны от грязи, пота и крови. Эймонд тихо фыркнул, находя это забавным: девушка была достаточно смелой, чтобы попытаться отрубить мужчине голову веткой дерева, но не желала смотреть на его обнаженную грудь. Она очень старалась смотреть только на его лицо, но положение, в котором они оказались сейчас — она на коленях между его раздвинутыми ногами, его живот на прямой линии взгляда — было, несомненно, компрометирующим и было бы скандальным, если бы кто-нибудь столкнулся с ними в это время. Этот момент.

Эймонд никогда особенно не заботился о деликатных чувствах девы — ему и не приходилось этого делать. Его жизнь не была наполнена женским обществом, как у некоторых других мужчин. При дворе он в основном составлял компанию своей любимой сестре и матери. Его княжеской обязанностью было угощать знатных женщин — льстить дамам ласковыми словами, задумчивыми комплиментами и учтивыми манерами. Однако Эймонд не проявлял особого интереса, кроме небрежной вежливости, к женщинам, которые падали в обморок от красивого лица Эйгона, не обращая внимания на его репутацию и наклонности. Большинство знатных девушек едва удостоили взгляда Эймонда, потому что все, что они видели, была темная полоска его повязки на глазу, и вызывали в воображении худшие ужасы под ней, а те, кто смотрел, обычно задерживались на тренировочном дворе, когда он тренировался с мечом. хихикают и краснеют под руками, но никогда не приближаются. Когда-то он был помолвлен с Флорис Баратеон, самой красивой и очаровательной дочерью этого блеющего дурака Борроса, но Флорис была скорее ребенком, чем невестой, выбранной Эймондом за ее милый нрав и юный возраст, чтобы отсрочить свадьбу как можно дольше. возможный. И Элис, несомненно, не была нетронутой девушкой, когда Эймонд встретил ее.

Как бы то ни было, ему было нетрудно проявлять любезность. Правила приличия были привиты ему с рождения, и хотя в военное время они применялись очень мало, было бы бесчестно изображать из себя неотесанного негодяя и раздвигать границы приличия ради короткой, бестактной забавы с девушкой, которая была жертва жестокого обращения всего за несколько часов до этого. Если бы она хотела соблюсти приличия и дать ему капельку скромности, Эймонд подчинился бы. Он взял бурдюк и большую белую полоску хлопка, которую она, без сомнения, вырвала из запасной рубашки в своей сумке, и принялся умываться.

Через несколько минут Эймонд успешно очистил от крови и грязи лицо, шею, руки и большую часть туловища, обнажив рану на боку. Это было, естественно, на его слепой стороне, предсказуемость этого почти заставила его закатыть глаза. Владелец клинка получил удачный

удар, порезав его от нижней части ребер сбоку до середины живота, хотя, к счастью, разрез был неглубоким и аккуратно срезанным.

Он отложил бурдюк и полностью окровавленную ткань в сторону и наблюдал, как девушка готовила иглу, очищая ее край пламенем, а затем опуская ее в огненное молоко.

— Вы знакомы с искусством врачевания?

— Только мимоходом, милорд. Меня научили, как очищать и перевязывать рану». Она взглянула на мускулы его обнаженной груди, нахмутив темные брови. «Что касается сшивания... это не может быть сложнее, чем сшивание кожи».

«Боюсь, я гораздо более чувствителен, чем овечья шкура, и был бы признателен за нежное прикосновение».

Улыбка, которую она подарила ему, была неуверенной, а глаза широко распахнутыми и нервными; все же она расправила плечи и упрямо сжала челюсть. Она протянула ему чистую тряпку и влила в длинную рану бледно-красное огненное молоко. Эймонд проглотил шипение — жидкость была холодной и обжигала при контакте, поверх нее пузырилась бледная шипящая пена. Он вытер излишки тканью, и она повторила этот процесс несколько раз, пока все остатки не были удалены из раны.

Она продела иглу, ущипнула то небольшое, что осталось в его желудке, и начала залечивать рану. Эймонд чувствовал, как игла вплетается в его кожу и выходит из нее, ее игла острая и пронзающая — и для него незначительная. Он всегда умел справляться с физической болью, подавляя и игнорируя ее. Если его рот дергался, грозя сжаться в гримасу, никто, кроме него, не знал и не видел. Чтобы скоротать время, Эймонд закатил глаза и стал изучать девушку со своего наблюдательного пункта: мерцающее пламя отбрасывало пляшущие тени на ее черты, впалые щеки почти до изможденности, насыщавшие ее кожу и волосы рыжевато-золотым. У нее были длинные пышные ресницы; они отбрасывали пушистые тени и трепетали, как крылья бабочки Хелены, каждый раз, когда она моргала.

Она сосредоточенно нахмурила брови, пока тщательно и эффективно шила. Ее руки были мягкими и прохладными — нежными. Их прикосновение к нему не было неприятным. Она не соврала: у нее были опытные и ловкие пальчики, стежки у нее были маленькие и аккуратные, идеально ровные. Рана, без сомнения, останется шрамом, но в тонкую белую полоску, и если Эймонд нанесет на нее масла, пока она заживет, кожа останется эластичной и эластичной — девушка хорошо справлялась, и шрамы не повлияют на его боевые действия.

Девушка . Он не мог продолжать называть ее так, не так ли? Это было недобрым.

Эймонд откашлялся, привлекая ее внимание, даже когда ее глаза не отрывались от работы. «Дама заботливая и любезная, но я не знаю имени моей сиделки».

— Ты не знаешь этого, потому что никогда не спрашивал.

— Я спрашиваю сейчас.

Ее брови дернулись, и Эймонд почти улыбнулся. У него были проблемы с ее чтением — у нее было обманчивое умение владеть собой. Лицо ее было неясно, как затуманенный лед: мысли и нрав не оставляли на нем и ряби. Он начал находить неожиданное удовольствие в том, чтобы добиться от нее реакции — точно так же, как он выискивал любовь у замкнутого язвительного Вхагара в первый год их связи.

Она завязала нить узлом и отрезала конец серебряными ножницами. Ее легкие пальцы скользнули по его животу, проверяя ее работу. — Вы отказались назвать свое имя.

«Мое имя — привилегия, твое — подарок».

«Подарок, заработанный за какие заслуги?»

Эймонд насмешливо хмыкнул. «Неужели дама так мало ценит свою жизнь?»

«Будешь ли ты вечно править своим спасением через мою голову? Это очень бесчестно».

— Боюсь, рыцарство не было у моих ног уже много лет, миледи. Я буду держать вас в долгу до тех пор, пока вы не вернете его в равной стоимости. Твоя помощь и заботливая рука были высоко оценены, но они не равны по ценности твоей жизни». Его коса упала ей на колени, как висящая веревка, когда он наклонился, пересекая пространство между их лицами, достаточно близко, чтобы увидеть крошечные бледные веснушки на переносице ее прекрасного носа. — Итак, миледи, ваше имя?

Эймонд внимательно изучал ее лицо, ища знакомые признаки лжи. Он умел отличать горькую правду от медовой лжи. Ее лицо подсказало ему, что она была на грани выбора.

Он холодно поднял бровь — предупреждающе. Девушка недовольно сморщила нос. С довольным мычанием Эймонд откинулся назад.

— Меня зовут Алейна Стоун, — наконец произнесла она мягко и осторожно. «Природная дочь лорда Петира Бейлиша».

Она протянула ему маленькую закупоренную глиняную баночку с припаркой из семян горчицы, и Эймонд кивнул в знак благодарности, зачерпнув мазь пальцами. Интересно, подумал он, намазывая припарку на швы. Незаконнорожденная девица с манерами и манерами знатной дамы — драгоценный камень, покрытый грязью. Было бы стыдно не взять в руки этот маленький Камень, который практически катился под его ногами.

— Никогда о нем не слышал, — легкомысленно ответил Эймонд, накладывая прокладку и туго обматывая бинты вокруг туловища.

«Отец родился скромным лордом Пальцев, однако только благодаря своим заслугам он дослужился до звания Лорда-Защитника Гнезда и Долины Аррен, получил титул Верховного Лорда Трезубца и был назначен Лордом Харренхолла от Королевский указ за его... боевую доблесть. В голосе Алейны Стоун не было гордости, только прозаическая флегматичность. «Возможно, вы слышали о не очень приятном прозвище отца: Мизинец?»

Эймонд задумчиво хмыкнул, его рот сжался в напряженную линию. — Не могу сказать, что у меня есть.

Лорд-протектор Гнезда и долины Аррен?

Верховный лорд Трезубца?

Лорд Харренхолла?

Эймонд поднялся на ноги и начал надевать одежду, которую он присвоил у преступников, в голове у него кружилась голова. Что сделал Эйгон в отсутствие Эймонда?

Насколько ему было известно, Леди Джейн Аррен, Дева Долины, была Леди Гнезда, Защитницей Долины и Хранительницей Востока. Несмотря на свое горькое презрение к Деймону, Джейн Аррен объединилась с Рейнирой, арренкой по материнской линии. Вейл стоял на стороне Блэков — как Эйгону удалось склонить его на свою сторону? свергнуть свою Леди? Более того, кем в Семи Преисподних был Петир, черт возьми, Бейлиш? У Джейн Аррен не было детей, ее предполагаемым наследником был ее двоюродный брат Арнольд Аррен, который дважды восставал против нее и, таким образом, был заключен в небесную камеру Гнезда, несомненно, сойдя с ума. Если бы он был непригоден, то место досталось бы его сыну, сирю Элдрику Аррену. Не какой-нибудь безымянный лорд из кровавых Пальцов.

Эймонд даже не мог понять, какой набор идиотских событий заставил его пизду-брата назвать одного второстепенного лорда из ниоткуда, как Верховного лорда Трезубца, так и лорда Харренхолла. Он чувствовал, как новая, еще более ужасная головная боль нарастает поверх уже существующей.

Его взгляд остановился на Алейне Стоун. Она чинно сидела на бревне, которое он раньше занимал, с длинной темной косой, перекинутой через тонкое плечо, и складывала припасы в свою седельную сумку.

«Как получилось, что к дочери лорда-протектора приставали преступники?» — спросил Эймонд, одергивая рукава клеенчатого пальто, которое он приобрел. Он был слишком коротким для него, свободным в талии и узким в плечах, но он заставит это работать. «Возможно, ты и ублюдок, но я сомневаюсь, что твой отец отправил бы тебя в свой замок только с одним рыцарем в качестве защиты в эти беспокойные времена».

— Отец не посылал меня сюда, — ответила она голосом далеким и отстраненным. — Когда я сказал, что сир Шадрих не настоящий рыцарь, я имел в виду именно это. Он пришел к Вратам Луны в поисках призрака, а вместо этого нашел меня — девушку, которую похитил ради выкупа. Мой отец родился скромным лордом, да, но он достиг известности и большого богатства. Все знают, что казна Петира Бейлиша уступает только Ланнистерам.

Эймонд развернулся на каблуках и уставился на нее. — Похитили ради выкупа?

Она тихо замычала, переплетая пальцы на коленях. — Он хотел для меня шестифунтовый мешок золотых драконов. Эймонд присвистнул. «Да, точно. Довольно изрядная сумма для неродившейся дочери, любимой ее лордом-отцом или нет.

Несмотря на свою вину, взгляд Эймонда переместился на труп рыцаря, и его рука рефлекторно сжала рукоять Темной Сестры. Задумчивый взгляд Алейны проследил линию его взгляда. «Мир, мой господин. Сир Шадрих не позволял себе вольностей, несмотря на свои корыстные намерения — или, возможно, благодаря им. Разоренная дочь никому не нужна, особенно если ее честь уже запятнана ее низким происхождением. Мой отец не дурак; он позаботится о том, чтобы септы и мейстер тщательно досмотрели свои допросы, прежде чем передать мешок с золотом, чтобы выкупить меня.

Беспристрастность, невозмутимость в тоне, который она использовала, когда говорила о себе с точки зрения пользы и ценности, раздражала Эймонда, портя ему настроение. Он был крайне против транзакционных и выгодных аспектов заключения брака — с тех пор, как Хелена вышла замуж за Эйгона, поскольку именно Эймонд должен был утешать свою сестру после того, как она ложилась спать, и именно он должен был выуживать своего брата из его чашек, чтобы он не утонул за правду в нищете. Может быть, даже раньше; со времен его матери.

С тех пор, как он был младенцем, их мать находила утешение в компании Эймонда и его объятиях, разыскивая его в моменты слабости, черпая в нем силы, как черпают воду из колодца. В детстве он гордился тем, что был единственным утешением своей матери — ее рыцарем и принцем. Когда он стал старше, он понял, что его мать искала его поддержки не потому, что любила его больше всего, а потому, что Эймонд был единственным из ее детей, готовым отдавать себя ей и долг, часть за частью. Она изгнала перед ним свои нервы и страхи, излила свое разочарование и гнев, а он все это принял — впитал и держал при себе, лелеял, как гноящуюся рану. К тому времени, когда ему было четыре и десять лет, Эймонд знал о браке своих родителей больше, чем сам Визерис. Включая то, как Алисент Хайтауэр вообще оказалась невестой короля.

Рот Алейны сжался, ее спина решительно выпрямилась, когда она неправильно поняла его хмурый взгляд. Что-то в Эймонде смягчилось при этом виде, побудив его успокоиться и быть добрым, но... он не знал, как выразить это чувство. Должен ли он встать перед ней на колени и взять ее руки? Тогда что? По опыту он знал, что ласковые слова и понимание подействуют лучше всего, но она не была ни его сестрой, ни его матерью — она была чужой, как и он для нее. Сострадание от него прозвучало бы пустым и небрежным.

Вместо этого, растерявшись, он отвернулся. Он стоял прямо, как шомпол, и сцепил руки на предплечьях за спиной, глядя в огонь — сосредоточиваясь на том, что действительно важно, что важнее всего:

Его семья.

— Что случилось, что король Эйгон наградил твоего отца этими... высокими титулами? Нельзя за одну ночь получить такое великое благо, как господство над Харренхоллом.

«Простите?» — спросила она, по-совиному моргая.

Эймонд щелкнул языком. «Я спросил: что с Эйгоном?»

— Принц Эйгон? Ее глаза округлились до размеров блюдец. Эймонд не понимал, откуда взялось ее легкомыслие — всего несколько мгновений назад она показала умный и тонкий ум.

— Король Эйгон, леди Алейна.

— Не было, — начала она медленно, словно слова были чужими для ее рта, слишком большими для ее языка, — не было короля по имени Эйгон со времен Эйгона Невероятного, Пятого Имени Его.

Его пронзила ярость, окрашенная чем-то другим; что-то настороженное, что-то боязливое. — Я спрашиваю о короле Эйгоне Таргариене, втором его имени, сыне Визериса Миротлюбивого.

— Милорд... Король Эйгон Второй мертв уже сто семьдесят лет.

<http://tl.rulate.ru/book/82378/2573144>